

Л. В. Орфинская

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ФАКТОР В ИСТОРИИ НОВГОРОДСКОЙ ТЮРЬМЫ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.

Люди рождаются и умирают, страдают и радуются, любят и ненавидят, мечтают и плачут, общаются друг с другом, трудятся и отдыхают, болеют и совершают преступления – все это и есть жизнь. Никто не усомнится в этом. Однако так ли мы живем, как наши предки? Меняются государства, эпохи, цивилизации, но человек неизменен. Его способности мыслить и чувствовать остаются вечными. В этом залог нашей возможности понять прошлое. Но так ли это?

Огромная часть человеческого опыта, как личного, так и социального, остается нам неизвестной из-за преобладания нарративных приемов и неразработанности тезаурусного исторического подхода. Сведенная к нарративной цепочке событий человеческая жизнь выглядит односторонне. Отсюда вытекает актуальность изучения истории чувств, истории ненависти и страха, жестокости и любви.

Тюрьма и общество – это сообщающиеся сосуды, и уровень жидкости везде одинаковый. Особенности русской тюрьмы связаны не с особым устройством самой тюремной системы, а с особенностями русского этнического характера. Часто пребывание в русской тюрьме – это игра случая, а не исполнение закона. Наверное, именно поэтому только в русском языке существует поговорка «От сумы и от тюрьмы не зарекайся».

Во второй половине XIX – начале XX в. тюрьма была самым распространенным учреждением для отбывания наказания в виде лишения свободы. Следуя другой русской поговорке – «Своя рубаха ближе к телу» – я бы хотела остановиться на истории Новгородской губернской тюрьмы, которая может считаться типичной для европейской части России того времени.¹

¹ Ст.: Семенова Л. В. 1) Реорганизация управления и надзора в Новгородской губернской тюрьме кон. XIX – нач. XX в. // Прошлое Новгорода и Новгородской Земли: Материалы науч. конф. Великий Новгород, 2001. Ч. 2. С. 88–93; 2) Тюрьмы Новгородской губернии в пенитенциарной системе России в 1861–1914 гг.: Дис. ... канд. ист. наук. Великий Новгород, 2000. 171 с.; Орфинская Л. В. Пенитенциарные преобразования в Новгородской губернии в пореформенный период // Государственная власть и общественность в истории центрального и местного управления Россией. СПб., 2004. С. 80–94.

Отмена крепостного права, проведение судебной реформы и другие существенные изменения в социально-экономических отношениях в обществе привели к необходимости преобразования пенитенциарной системы. Неотвратимости тюремной реформы была общепризнанна.

Прежде всего внимание было обращено на формирование управленческих структур и разработку их функций. Реформа установила в 1879 г. такую систему: в центре – Главное тюремное управление с широкими полномочиями; на среднем управленческом уровне – губернаторы и губернские тюремные отделения, тюремные комитеты Общества Попечительного о тюрьмах, прокуроры; в низовом звене – тюремная администрация во главе с начальниками тюрем и их помощниками, священники, дьяконы и псаломщики при местах заключения, врачи и фельдшеры. Все они составляли единую систему управления организацией исполнения наказаний. В низовом звене особое место занимала тюремная стража – старшие и младшие надзиратели, в обязанности которых входило обеспечение надзора за лицами, отбывающими наказание в виде тюремного заключения.

Разнообразие органов, неопределенность обязанностей, спутанность отношений, разъединенная деятельность и другие причины приводили к неудовлетворительности личного тюремного состава. У русской тюрьмы было слишком много хозяев, попечителей, распорядителей и наблюдателей, поэтому на практике они взаимно парализовали друг друга, а тюрьма часто не знала, кого ей слушаться. Каждый из них не занимался исключительно или специально тюремной деятельностью. Одни – в качестве небольшой и второстепенной части своих обязанностей, другие – добровольно из-за почета, и поэтому нередко формально.²

В ходе становления гражданского общества на проблемы тюрем стали обращать гораздо большее внимание. Как писал русский журналист, автор книг и рассказов А. И. Свирский: «В места заключения все чаще начали заглядывать люди пера, опыта и власти, арестантский мир начинают всячески изучать, ему уделяют много внимания официальные лица, ученые-тюрьмоведы, литераторы, бытописатели, психологи».³ Получили ход дела о неправомерных действиях смотрителей тюрем. Так, караульный офицер Новгородского тюремного замка представил рапорт губернатору об использовании смотрителем тюрьмы заключенных для работ в свою пользу. Начальникам, в ведении которых находились заключенные, запрещалось использовать их труд в собственных целях.⁴ Новгородский прокурор назначил расследование по рапорту.⁵

К ближайшему начальству, к начальнику (смотрителю) тюрьмы, обычно не питалось никакого действительного уважения, а что-нибудь одно: или страх, внушаемый грубостью обращения, или пренебрежение в случае слабости. Все моменты тюремной жизни арестантов – сон, принятие пищи, свидания с родными – должны были протекать на глазах

² Муравьев Н. Наши тюрьмы и тюремный вопрос // Русский вестник. СПб., 1878. № 4. С. 505.

³ Свирский А. И. Погибшие люди. Т. 2. Мир тюремный. Очерки. СПб., 1898. С. 1.

⁴ ГАРФ. Ф. 122. Оп. 1. Ч. 1. Д. 1552. Л. 17–18.

⁵ РГИА. Ф. 138. Оп. 1. Д. 1648. Л. 2, 4.

тюремного начальства или стражи. Часто надзиратели открывали камеры и уходили, давая тем самым заключенным возможность общаться между собой. Некоторые из них во время дежурства заходили украдкой от начальства в камеры и беседовали с заключенными на политические и религиозные темы. На выговоры начальника отвечали дерзко, «в непозволительных выражениях».⁶ Даже женщины-надзирательницы, не страшась взыскания, днем выпускали из камер арестанток.⁷

На формирование законопослушной личности заключенных был направлен комплекс мер воздействия, решающую роль в реализации которых играла церковь, выполняющая функции духовно-нравственного воспитания и просвещения заключенных. Священники, согласно закона 1887 г., были отнесены к аппарату управления отдельных мест заключения. При этом по должностному окладу священники приравнялись к начальнику тюрьмы.⁸ Непростыми порой были отношения между смотрителем и священником новгородского острога, который иногда вставал на сторону надзирателей и возражал против взысканий. Внушал надзирателям оставить службу, тем самым лишая начальника служащих. Здесь слышалось всюду: людей нет и взять их неоткуда. И это понятно при том положении, в которое были поставлены люди, занимавшие эти должности. По исторически сложившимся и крепко всосавшимся в русскую жизнь понятиям ни малейшим общественным уважением и сочувствием тюремщики не пользовались. В статье «За решеткой (из тюремных воспоминаний конца прошлого века)» М. Сафонов отмечал: «Младшие надзиратели поверяли мне свои огорчения служебного и личного характера, жаловались на свою „собачью“ службу, говорили, что служить в тюрьме их заставляет одно горе, „потому что больше деться некуда...“⁹ Тот же священник настраивал против начальника заключенных из дворян, рассказывая о его придирках. На это дворяне просили священнослужителя поддержать их в возбуждении дела против начальника. Ссылаясь на возможность бунта и неповиновения, обо всем этом смотритель новгородской тюрьмы рапортовал губернатору, «ища поддержки и защиты».¹⁰

Не лишены были начальники тюрем и недобропорядочных чувств, в частности чувства наживы, сопряженного с введением вышестоящего начальства в заблуждение. В конце 80-х гг. Главным тюремным управлением была объявлена компания по организации однотипного централизованного обеспечения осужденных одеждой. Здесь-то и попался начальник Новгородской губернской тюрьмы, представив преувеличенные сведения о количестве заключенных в подведомственной ему тюрьме.¹¹

Сотнями разнообразных способов, в изобретении которых изощрялась неисчерпаемая арестантская фантазия, проникало в тюрьму вино.

⁶ РГИА. Ф. 138. Оп. 1. Д. 2320. Л. 15.

⁷ ГАНО. Ф. 197. Оп. 1. Д. 54. Л. 28.

⁸ ГАРФ. Ф. 122. Оп. 1. Ч. 1. Д. 842. Л. 66.

⁹ Сафонов М. За решеткой (из тюремных воспоминаний конца прошлого века) // Русская старина. СПб., 1915. № 1. С. 181.

¹⁰ РГИА. Ф. 138. Оп. 1. Д. 2320. Л. 15.

¹¹ ГАНО. Ф. 197. Оп. 1. Д. 31. Л. 90.

Все попытки искоренить это зло оставались бессильными, тем более что иногда этого не чуждалась и сама тюремная стража и само непосредственное начальство острога. Известен случай смертельного отравления начальника Крестецкой уездной тюрьмы хлороформом. Ведя нетрезвый образ жизни, он в отсутствие фельдшера открыл аптечный шкаф и, понюхав содержимое, сказал надзирателю, что спирт здесь находится не должен, и положил бутылочку в карман.¹²

Многое зависело, конечно, и от инициативы начальства. При одном из начальников новгородской тюрьмы, например, выкармливали к Рождеству и Пасхе «...боровов пудов на 10 весу...»,¹³ а при другом «...нашли эту роскошь излишней...». Один начальник следил за качеством поступающих в тюрьму продуктов. Однажды заметили, что подрядчиком, купцом Ивановым, доставлялась мука «...в худом качестве, <...> с хрустом и песком». Она не была принята. Чтобы избежать в последствии недоразумений, ходатайствовали перед губернатором об ужесточении контроля за поступающими в тюрьму продуктами.¹⁴ При посещении губернатором в 1881 г. Новгородской тюрьмы было обнаружено, что все заключенные, в том числе содержащиеся в «секретных» камерах, получали чай и сахар, что было недопустимо.¹⁵ За это начальник тюрьмы получил от губернатора взыскание.

Большинство тюремщиков, обслуживавших тюрьму того времени, ранее к пенитенциарной системе никакого отношения не имели, с заключенными не были знакомы и личной неприязни к ним испытывать не могли. О профессиональной компетентности и психологической пригодности персонала тогда говорить не приходилось. Какими бы сложными ни были ситуации, как бы ни давили на человека внешние факторы, он всегда сам принимает решения и сам несет за них ответственность. Во то время на надзирателей влияло отношение русского общества к человеку, попавшему в тюрьму. Безусловно, оно не было единым, но доминировало отношение традиционное, православное: заключенный – «несчастненький», воспетое Ф. М. Достоевским.

С внешним миром острог поддерживал оживленные сношения, свободно и легко обходявшие всякие запреты и формальности. Деньги в остроге играли первую роль, они давали почет, удобства и даже излишества. Общественный деятель и бывший сиделец С. А. Жебунев в «Отрывках из воспоминаний», опубликованных в 1907 г. в журнале «Былое», писал: «[надзиратели] носили нам с воли письма и оказывали всевозможные услуги. Некоторые из них трогательно привязались к нам».¹⁶ Вот и в Новгородской тюрьме взаимоотношения между арестантами и тюремщиками характеризовались сочувствием и доверием. Арестантов подкармливали, допускали переписку между ними, курение

¹² РГИА. Ф. 139. Оп. 1. Д. 14. Л. 24, 26.

¹³ Там же. Л. 27.

¹⁴ ГАНУ. Ф. 138. Оп. 1. Д. 1728. Л. 1.

¹⁵ ГАНУ. Ф. 197. Оп. 1. Д. 72. Л. 18.

¹⁶ Жебунев С. А. Отрывки из воспоминаний // Былое. СПб., 1907. № 5. С. 253.

табака. Иногда тюремщики позволяли себе выпивать вместе с охраняемыми.¹⁷

Контролируя ночную службу обходами, можно было быть уверенным в исправности часовых только в момент самого посещения тюрьмы. Поручиться же за то, что делалось в тюрьме до обхода или после него, никто не мог. Бывали случаи, и нередко, что обходивший тюрьму начальник находил надзирателей спящими, но это только капля в море. Большинство их спало на постах безнаказанно, несмотря на ночные обходы. Надзиратели прекрасно знали характер, привычки и приемы своего начальства и как нельзя лучше приспособивались ко всем этим условиям. Они почти безошибочно знали, в какие часы пойдет по тюрьме проверяющий, пойдет ли он во второй раз в течение той же ночи или нет. Наконец, они могли сказать почти наверняка, когда начальник обхода делать совсем не будет и, следовательно, можно спать спокойно. Однако и «на старуху бывает проруха», о чем свидетельствует «Книга регистрации взысканий, наложенных на надзирателей Новгородской губернской тюрьмы». Заставали надзирателей этой тюрьмы не только спящими, но и в нетрезвом состоянии. Надзиратели позволяли себе не исполнять приказаний начальника тюрьмы,¹⁸ вовсе не являться на службу.¹⁹ За что получали взыскания в виде замечания, выговора, денежного штрафа, дежурства вне очереди и назначения на постовую службу.²⁰ Сложность комплектования и закрепления кадров надзора вызывала необходимость применять увольнение лишь в крайнем случае.

Незначительность вознаграждения, получаемого надзирателями, не привлекала на эту должность порядочных людей, и потому необходимость заставляла довольствоваться теми, какие есть, несмотря на то, что они по нравственным своим качествам не могли заслуживать ни малейшего доверия. С другой стороны, такие надзиратели имели крайне вредное влияние на арестантов, и не только не способствовали улучшению их положения, но даже парализовали действия других в этом отношении. И сами смотрители, поставленные во главу управления тюрьмой, по большей части не отвечали требованиям, предъявляемым к этой должности,²¹ отмечал тверской губернатор во Всеподданнейшем отчете.

Пища, несмотря на всевозможные экономические выгадывания из арестантского пайка, еще оставалась лучше всего остального. За этим зорко следили сами арестанты, и чего другого, а дурной пищи они терпеть не стали бы и положенного себе добились бы. Вот что пишет по этому поводу известный общественный и театральный деятель Новгорода, издатель и редактор местной газеты «Волховский листок», которому тоже удалось побывать в роли заключенного в новгородской тюрь-

¹⁷ ГАНО. Ф. 197. Оп. 1. Д. 54. Л. 30.

¹⁸ Там же. Л. 24.

¹⁹ Там же. Л. 19.

²⁰ Там же. Л. 2, 3, 5, 10, 43.

²¹ РГИА. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 3594. Л. 416.

ме: «...назначен старостой за расторопность. Он заведует кухней, назначает „дневальных“ в помощь поварам и для наблюдения доброкачественности веса съестных продуктов „по табели“. Каждый кусочек у него на учете. Все хозяйство ведется артельно, каждый знает и видит, что и сколько кладется в котел, без малейшей „утайки“ чего-либо по положению сверх нормы».²²

Психология арестантов как искусственно созданной замкнутой группы, отмеченная общностью для всех них ряда черт, порожденных условиями длительного пребывания в остроге, в то же время обусловлена внешней средой. В числе таких общеарестантских черт сознания – отношение к побегу как к единственной возможности «переменить участь». Много удобств, много соблазна представлял собой тюремный замок для побегов. Русскому арестанту известны бесчисленные и бесконечно разнообразные способы добыть себе свободу. Были остроги, которые по своему устройству так и манили к побегу.

В отличие от ссыльных и каторжных тюрем, в общей тюрьме сидел простой русский мужик в среднем 7 месяцев. Его сердце не успевало ожесточиться против тюремного режима. Поэтому происшествий случилось мало. Главное тюремное управление циркулярно указывало «...обязательно сообщать сведения о каждом побеге арестантов и о более замечательных происшествиях внутри тюремных учреждений...».²³ Однако, как замечали в самом центральном управлении, предписание исполнялось «весьма неисправно». Иногда новгородский губернатор получал подобные сведения от начальника тюрьмы.²⁴ Думаю, что о большинстве попыток побега и других происшествиях начальник тюрьмы умалчивал, дабы не навлечь на себя гнев власть предержащих. Это подтверждает случай, слух о котором дошел до прокурора Новгородского окружного суда, а губернатор узнал о нем из газеты «Голос». Корреспондент из Новгорода писал, что узник секретной камеры покушался на самоубийство. Смотритель тюрьмы в своем рапорте настаивал на преувеличении факта: «...я не видел покушения ни на самоубийство, ни на поджог, а только одну месть тюремному начальству <...> в том сознался».²⁵ Случались происшествия и на бытовой почве. Однажды надзиратель новгородской тюрьмы в своей квартире произвел два выстрела из револьвера в свою жену, о чем начальник тюрьмы вынужден был доложить прокурору.²⁶

Условия содержания под стражей в тюрьмах Российской империи неоднократно подвергались критике в зарубежной печати. Отвечая на упреки в притеснении заключенных в русских тюрьмах, безымянный автор на страницах журнала «Тюремный вестник» писал, что режим в тюрьмах России во многих отношениях представляется менее суровым, чем в других государствах Европы, где сравнительное благоустройство и правильное оборудование мест заключения дают возмож-

²² Богдановский Н. И. Из тюремной камеры Старца Пила. Новгород, 1911. С. 31.

²³ РГИА. Ф. 138. Оп. 1. Д. 2986. Л. 128.

²⁴ ГАНУ. Ф. 197. Оп. 1. Д. 94. С. 5.

²⁵ Там же. Д. 2. С. 34.

²⁶ Там же. Д. 94. С. 6.

ность систематического и неуклонного соблюдения строгих требований тюремного режима, тогда как в России подобные требования нередко представляются неосуществимыми за отсутствием необходимых приспособлений (достаточного числа одиночных камер, карцеров, решеток для разъединения арестантов от посетителей во время свиданий и проч.). В качестве аргумента приводилась и свойственная русским незлобивость характера, традиционный взгляд на преступника не как на врага, а как на несчастного человека.²⁷

Ситуация, сложившаяся вокруг русской тюрьмы, уже современниками оценивалась объективно. Специально занимаясь исследованием русских тюрем, американский журналист и публицист Ж. Кеннан пришел к следующим выводам: «Во всей империи 884 тюрьмы. Номинально все они находятся под одним управлением и подлежат одним и тем же законам и правилам, и между тем трудно было бы найти двадцати тюрем, которые бы управлялись одинаковым образом в продолжении трех лет. Те права, которыми пользуются заключенные в одной тюрьме, не существуют в другой; в одной строгость есть общее правило, в другой – только исключение; иных заключенных закармливают, другие содержатся впроголодь; в одном месте нарушение правил не влечет за собой ничего, кроме выговора, тогда как в другом подобное же нарушение наказывается двадцатью ударами розг по обнаженному телу. Везде беспорядок, противозаконные действия, произвол и более или менее полное отсутствие всякой системы. Причин этого положения дел много, но самые главные следующие: во-первых, самые законы чрезвычайно трудноприменимы на практике и полны противоречий; во-вторых, управление тюрем распределено между громадным количеством лиц и административных органов, отношение которых друг к другу не организовано правильно; в-третьих, многие русские административные лица склонны решать дела и поступать согласно не с законом, а с тем, что они считают лучшим в данное время или наиболее соответствующим видам высшего начальства; и в-четвертых, крайне низкий уровень административных способностей и нравственности громадного большинства лиц тюремной администрации, в которую невозможно привлечь более порядочных людей при том ничтожном окладе, который они получают».²⁸

Тюремная система царской России представляла собой сложный комплекс государственных учреждений с не всегда точно определенным правовым статусом. Характерной особенностью российского законодательства в сфере уголовного наказания и его исполнения являлось наличие ряда разнообразных правовых актов, не согласованных между собой, хотя они имели в своей основе один и тот же предмет регулирования, а именно – организацию исправления преступников. Тем более, учитывая полученное тяжелое наследие от прошлого времени и недостаток соответствовавших кредитов, при затруднительном положении

²⁷ Мнимые притеснения заключенных в русских тюрьмах // Тюремный вестник. СПб., 1910. № 4. С. 551.

²⁸ Кеннан Ж. Жизнь политических арестантов в русских тюрьмах. СПб., 1906. С. 6.

государственного казначейства, коренное преобразование карательной системы оказалось невозможным.

«По состоянию тюрьмы судят о состоянии общества», – говорили в прежние времена. Тюрьма рассматривалась в качестве неотъемлемой части русской действительности. Тюрьма оказывала и оказывает огромное влияние на общество в России, поскольку еще недавно каждый четвертый мужчина сидел в тюрьме.